

**В.К. Васильев**

*Сибирский федеральный университет*

**Повесть И.С. Тургенева «Несчастная»  
в архетипическом контексте\***

*Аннотация:* Тургеневская повесть рассмотрена в типологическом ряду текстов, генетически восходящих к сюжету-жизнеописанию Антихриста.

Turgenev's story has been considered in typological number of texts which genetically date to the life history of Antichrist.

*Ключевые слова:* И.С. Тургенев, архетипика, сюжетология, история русской литературы, Антихрист.

I.S. Turgenev, archetype, plot, Russian literature, Antichrist.

УДК: 821.161.1.

*Контактная информация:* Красноярск, пр. Свободный, 82. СФУ, кафедра русской и зарубежной литературы. E-mail: v-v-kir@yandex.ru.

«Ася», «Первая любовь», «Вешние воды» – сами названия этих повестей стали знаковыми в русской культуре, о них написано значительное количество трудов. О существовании же «Несчастной» (1868) знает редкий читатель, не часто она попадала и в сферу внимания специалистов<sup>1</sup>. Между тем эта повесть замечательна во многих отношениях. Например, она является своеобразным подготовительным опытом к разработке сюжета-жизнеописания главного героя романа «Новь» (1876) Дмитрия Нежданова. Следует сказать совершенно определенно об особом значении «Нови»: это итоговый роман, заключительное слово Тургенева о революционерах-нигилистах и пророчество о будущем России, поразительное по глубине и ужасу, сбывшемуся в истории. Уже по этой причине стоит обратить пристальное внимание и на «Несчастную».

Повесть (как и указанный роман) входит в типологический ряд произведений русской литературы, архетипом которых является «сюжет об Антихристе» (о произведениях, составляющих названный ряд, и проблематике см.: [Васильев, 2008; 2009; 2010]). В данном ряду совершенно свободно сопрягаются тексты разных периодов и типов культур (средневековой и новой). Это неожиданно, но, с другой стороны, вполне отвечает природе архетипа: его ядро безразлично к хронологии, во все века структура его неизменна. Потому попадающее в архетипический контекст позднее произведение может объяснять смыслы более ранних, хотя такая процедура может показаться опять же неожиданной и непривычной.

Двадцатисемилетняя героиня повести Сусанна накануне своего самоубийства дает повествователю, Петру Гавриловичу, тетрадку, из которой он и читатель узнают историю ее жизни. В данном случае Тургенев использует многократно испытанный им прием – пишет дневник-исповедь персонажа.

---

\* Статья выполнена в рамках интеграционного проекта СО РАН «Сюжетно-мотивные комплексы русской литературы в системе контекстуальных и интертекстуальных связей».

<sup>1</sup> Об исследовательской традиции см.: [Трофимова, 2001].

Дневники, письма, повествования от первого лица, моделирующие внутренний мир героев, – приемы-клише мировой литературы, которые требуют от художника незаурядного таланта психоаналитика. Тургенев обладал им в высшей степени. Мы готовы утверждать, что едва ли не вся разгадка творчества писателя заключается в том, что он был гениально одарен способностью проникать в глубины и тайны души и законы, по которым строятся человеческие судьбы. В этом видится залог востребованности его творчества и серьезный потенциал развития тургеневедения. «Архетип» как понятие из сферы «глубинной / аналитической психологии» абсолютно адекватно художественному мышлению Ивана Сергеевича. Задача настоящей статьи заключается в том, чтобы попытаться выявить в «Несчастной» бессознательные смыслы, объяснить ее в контексте произведений, воплощающих архетип Антихриста.

Из содержания тетрадки мы узнаем, что Сусанна, проживающая с матерью в усадьбе Ивана Матвеевича Колтовского, незаконнорожденная. «Девятый год моего возраста остался мне навсегда памятным... Я узнала тогда, через горничных в девичьей, что Иван Матвеевич Колтовской мне отец, и почти в тот же день мать моя, по его приказанию, вышла замуж за г. Ратча, который состоял у него чем-то вроде управляющего. Я никак не могла понять, как это возможно, я недоумевала, я чуть не заболела, моя голова изнемогала, ум становился в тупик. “Правда ли, правда ли, мама, – спросила я ее, – этот бука пахучий (так я звала Ивана Матвеевича) мой папа?” Матушка испугалась чрезвычайно, зажала мне рот... “Никогда, никому не говори об этом, слышишь, Сусанна, слышишь – ни слова!...” – твердила она трепетным голосом, крепко прижимая мою голову к своей груди... И я точно никому об этом не говорила... Это приказание моей матери я поняла... Я поняла, что я должна была молчать, что *моя мать у меня прощения просила! Несчастье мое началось тогда же*» (здесь и далее в цитатах, кроме специально оговоренных случаев, курсив наш. – В.В.) [Тургенев, 1981, т. 8, с. 91–92]<sup>1</sup>.

В очередной раз мы сталкиваемся с мотивом *рождения от блуда*, изначальным в жизнеописании «героя-злодея» и сюжете-архетипе об Антихристе. Данный мотив определяет событийную, *трагическую* перспективу в жизни «героя-злодея», задает строгий алгоритм реализации сюжета-жизнеописания. «Основой предикативности мотива выступает собственно *действие*, которое и находится в центре его семантической структуры. Однако не только действие входит в структуру мотива. Не менее существенны и связи мотивного действия-предиката с его *актантами*. Именно отношение “предикат-актант” как базисное отношение в семантической структуре мотива воплощается в повествовании в форме события. Так, *мотив погони* предполагает вовлечение в действие, как минимум двух актантов с противоположными ролями – *того, кто гонится, и того, кто уходит от погони*.

За мотивными актантами в конкретном повествовании всегда стоят определенные действующие лица» (курсив оригинала. – В.В.) [Силантьев, 2009, с. 13]. В нашем случае действующим лицом является не только герой, совершающий, можно сказать, пассивное действие – рождающийся на свет, но и его родители. Это означает 1) что та или иная история родителей всегда будет представлена в повествовании, 2) что это всегда будет компрометирующая история *прелюбодения*. В независимости от ее местоположения в повествовании она будет отправной точкой в структуре сюжета-жизнеописания о главном герое / героине. Это подтверждается и данным произведением и всеми другими сюжетами типологического ряда (см.: [Васильев, 2008, с. 348–349; 2009, с. 18–19, 23, 119–122, 151–155; 2010, с. 32]).

В сочинениях русских писателей, принадлежащих к классической традиции, не найти изображений откровенных сексуальных сцен. Пожалуй, наиболее раз-

---

<sup>1</sup> Далее сноски на данное издание в круглых скобках.

вернутая «история прелюбодеяния» (предшествующая появлению на свет Павла Смердякова) представлена Ф.М. Достоевским в романе «Братья Карамазовы». Читателям, в отличие от пользующихся догадками жителей Скотопригоньевска, очень легко уяснить, что в роковую сентябрьскую ночь пьяный Федор Павлович счел-таки «зверя», Лизавету Смердящую, за женщину. Все его дети «случайные», поскольку родились в «случайных семействах» (что сближает их с незаконнорожденными). В появлении же на свет Смердякова мотив незаконнорожденности проявлен предельно. Добавленный автором эпизод рождения и смерти сына Григория и Марфы – шестипалого «дракона», который «прислал» вместо себя Смердякова, – придает мистический, не без оттенка комического ужаса, колорит событию в целом (см.: [Достоевский, 1991, с. 110–114]). (Комизм связан со сферой представлений Григория, которые следует отнести к разряду «народного христианства». По ходу развития жизнеописания убийцы и *самоубийцы* Смердякова от этого комизма не остается и следа.)

Тургенев тоже мистик, но не в сцене рождения героини – она отсутствует в повести. Интимную историю родителей автор также не счел нужным рассказать. «*Бедная* моя матушка! Странные были наши отношения: мы обе страстно любили друг друга... страстно и безнадежно; мы обе словно хранили и скрывали от самих себя *общую нам тайну*» и пр. (95). Истории нет, есть тайна, но, с другой стороны, это мнимая тайна – всё, что надо было сказать автору, он сказал.

Мы узнаем, что Сусанна Ивановна живет в доме Ивана Демьяныча Ратча, но он ей не «батюшка», а она ему не дочь, он отчим, а она падчерица. Полуонемевшийся, а затем обрусевший чех Ратч<sup>1</sup> говорит о себе: «При крещении наречен Иоганн Дитрих, а кличка моя – Иван Демьянов!» (66). Это поначалу путает читателя: имя-кличка отчима и отчество Сусанны совпадают. Кто настоящий отец, читателю становится известно из «Моей истории». В ее начале Сусанна кратко пишет и о матери. «Со мной вместе живет мать моя, еврейка<sup>2</sup>, дочь умершего живописца, вывезенного из-за границы, болезненная женщина с *необыкновенно красивым*, как воск бледным *лицом*» (91). Пассаж объясняет, почему Иван Матвееч, русский барин по социальному положению и «совершенный француз» по духу, «холодный» и «бездушный» человек, увлекся этой женщиной. Вариации *мотива красоты-соблазна* типичны для рассматриваемой архетипики. Тургенев использовал его и в рассказе о рождении главного героя «Нови». «Нежданов родился... <...> ...от князя Г., богача, генерал-адъютанта, и от гувернантки его дочерей, *хорошенькой* институтки, умершей в самый день родов» [Тургенев, 1982, с. 155]. В романе история хорошенькой прислуги не понадобилась для развития сюжета. В повести же аналогичная история изложена ровно в той мере, которая позволяет реализовать автору художественно-психологическую задачу: показать, что судьба *несчастной* дочери – повторение и предопределение *несчастной* судьбы матери. И это тоже один из устойчивых мотивов описываемой архетипической сюжетике. Сусанна не может узнать на картине, висевшей в господском доме, в образе «мелодной женщины с ясным и смелым выражением лица» собственную мать. «Умел

---

<sup>1</sup> О данной проблематике см.: [Зинченко, 1988].

<sup>2</sup> Еврейская тема в повести рассмотрена В.К. Кантором, см. раздел «Немецкое русофильство, или предчувствие нацизма» в кн.: [Кантор, 2005, с. 268–274], вариант публикации: [Кантор, 2007]. В качестве комментария к концепции автора мы бы заметили, что проблема имеет гораздо более сложную природу. Еврейское происхождение Сусанны – мотив, являющийся частью конструкции (в прямом смысле), и его Тургенев использовал для усиления идеи «проклятия», несчастья в судьбе героини. («*О, бедное, бедное мое племя, племя вечных странников, проклятие лежит на тебе!*») (90), – говорит Сусанна накануне самоубийства.) В других аналогичных сюжетах-конструкциях данный мотив Тургенев никак не связывал с еврейской темой. В «Несчастной» героиня также первоначально задумывалась русской по происхождению.

он сломить и уничтожить ее!» (94). Точно также, и прежде всего, отцом сломлена и уничтожена Сусанна.

Несчастья девушки начались в восьмилетнем возрасте, с того момента, когда она узнала о своем происхождении. Наиболее близкий аналог ситуации мы находим опять же в жизнеописании Дмитрия Нежданова. Незаконнорожденность героя – «то горькое, что он всегда носил, всегда ощущал на дне души» [Тургенев, 1982, с. 206]. Каждое напоминание о его появлении на свет вызывает у него болезненную реакцию.

«*Не под счастливой звездой родился Нежданов; нелегко ему жилось. Он сам глубоко это чувствовал*» [Тургенев, 1982, с. 156]. (В черновиках: «Натура трагическая и трагическая судьба» [Там же, с. 403]. Заметим, что в эту формулу укладываются судьбы всех героев типологического ряда).

«Скажите, – спросил ее (Марианну. – В.В.) наконец Нежданов, – отчего вы меня назвали *несчастливым*? Разве вам известно мое прошедшее?»

Марианна кивнула головою <...> «Мне известно... ваше происхождение» [Там же, с. 210].

«*Фальшивое положение*, в которое он был поставлен с самого детства, развило в нем обидчивость и раздражительность <...> Тем же самым фальшивым положением объяснялись и противоречия, которые сталкивались в его существовании» [Там же, с. 155].

Архетипическое значение слова *блуд* – *ложь* / *фальшь* (см.: [Васильев, 2009, с. 34, 155]) проявлено у Тургенева в выражении «*фальшивое положение*». Писатель применял его не только к раскрытию сущности ситуаций, в которых оказывались у него соответствующие литературные герои, но и к описанию ситуации с собственной незаконнорожденной дочерью (в данном случае нет возможности подробно анализировать тексты, описывающие эту историю, послужившую Тургеневу одним из источников для написания анализируемой повести). Желая переломить судьбу дочери (которая уже явно складывалась по законам *несчастья*, *трагического*), Тургенев в ноябре 1850 г. отправил восьмилетнюю девочку во Францию, на воспитание в семейство Виардо. Мадам Виардо «справедливо указала на то, что в России никакое образование не в силах вывести девушек из *фальшивого положения*» [Фет, 1983, с. 92], – передавал слова Тургенева А.А. Фет.

Автор назвал свою повесть «Несчастная». Здесь возникает удивительное сцепление с названием напечатанного спустя столетие рассказа В.М. Шукшина «Сураз» [Шукшин, 2009], сюжет-жизнеописание главного героя которого также структурно идентичен жизнеописанию Сусанны. Называние произведений именами героев или включение их в названия – обычная писательская практика, но в рассматриваемых случаях мы имеем дело с ярко выраженной мифологемой «имя есть судьба». *Несчастная*, *Сураз* – своеобразные клички, заменители имен героев. «Сураз» – «незаконнорожденный», «несчастье» [Фасмер, 1987, с. 806] «бедовый случай, удар, огорченье», «сураз за суразом» – «беда по беде» [Даль, 1991, с. 362]. «Несчастье» и его синонимы (часто в усиленном значении): «беда» / «бедная», «удар», «горе», «ужас», «проклятие», – ключевые слова, раскрывающие сущность судьбы Сусанны.

Начало мистики / духовной тайны – грех зачатия и рождения. Еще один герой из рассматриваемого ряда, князь Святополк, понимая свое рождение и судьбу, подобно Сусанне, как болезнь и проклятие, возлагает вину за это на мать-монахиню. «*Обаче и матере моя грех да не оцеститься* и съ правдыными не напишюся, нь да потреблюся отъ книгъ живущиихъ» [Сказание о Борисе и Глебе, 1978, с. 290], – размышляет князь-братоубийца. Мать Ивана Сергеевича, провинциальная богатая барыня (хочется добавить, далеко не монахиня), Варвара Петровна точно таким же образом понимала судьбу своей незаконной дочери Варва-

ры Николаевны Богданович-Лутовиновой<sup>1</sup> (род. 1833). Т.Н. Волкова приводит запись из альбома Варвары Петровны – её обращение к Пресвятой Деве, в котором, как полагает исследовательница, речь идет о дочери: «Тебе известно *несчастье ее рождения*, о Мария, но Твое святое участие не станет от этого менее нежным и всепрощающим, *вина матери не будет вменена ребенку*, и в Твоей неистощимой кротости Ты решишь, что *угрызения совести виновной женщины могут заслужить ее прощение*» [Волкова, 1986, с. 15]. Вполне понятно, за что просила прощения у Сусанны ее мать.

Если мифологема рождения «сураза» («суразки») заключается в том, что судьба «разит» героя, «внезапно», «вдруг» наносит «удар за ударом», пока не уничтожит окончательно, то именно так строится мистическая линия в жизнеописании Сусанны. В «Несчастной» и в других подобных тургеневских сюжетах судьба предстает в качестве отстраненной от человека и абсолютно враждебной ему силы. По крайней мере, может создаться впечатление, что изменить свой жизненный путь человек не в состоянии<sup>2</sup>. Любого персонажа рядом с Сусанной можно назвать «орудием судьбы», каждое событие в ее жизни в конечном итоге предстает как попущение силам зла, призванным надсмеяться и обратить все надежды девушки в руины. «Не виновата я в том, что из меня сделали» (93), – говорит она, определяя себя этими словами как объект воздействия враждебных, темных сил и обстоятельств.

Отношения с отцом не установились ближе того, что в 12 лет он сделал ее своей лектрисой. В семье отчима Сусанна нашла лишь ненависть, «жестокость и грубость», здесь она тоже «чужая».

Внезапная смерть матери стала еще одним «*громовым ударом*». «И вот в одну ночь – незабвенную ночь! – страшное несчастье меня поразило. Моя матушка скончалась почти внезапно. Мне только что минуло пятнадцать лет. О, какое это было горе, каким злым вихрем оно налетело на меня! Как запугала меня эта первая встреча со смертью!» (95).

Казалось бы, судьба Сусанны могла перемениться, оставь отец ей наследство и обеспечить тем самым ее независимость и приданое. Он сам пообещал «кое-что сделать» для нее в завещании. Но, очевидно, слишком понадеявшись на то, что

---

<sup>1</sup> «Фамилия девочки – Богданович – вернее всего была вымышлена (“Богом данная дочь”). Отчество внебрачным детям давалось по крестному отцу. Возможно, что Варя получила свое отчество по Николаю Николаевичу Тургеневу, деверю Варвары Петровны» [Волкова, 1986, с. 16].

<sup>2</sup> Тем более что самому Тургеневу принадлежит высказывание: «Из фальшивых положений не выходят! Нет-с, не выходят! Из них выйти нельзя!» [Кони, 1989, с. 86]. А.Ф. Кони передает разговор «первой половины шестидесятых годов». Писатель имел в виду собственное положение в доме супругов Виардо. Однако психологизм, выраженный в «Несчастной», с очевидностью связан с более ранними переживаниями Ивана Сергеевича. Брак его матери и отца был чистой коммерческой сделкой. При всей разнице образов и обстоятельств таков брак Ратча и матери Сусанны. Рожденный в «случайном семействе», Тургенев писал в автобиографической «Первой любви»: «Странное влияние имел на меня отец – и странные были наши отношения. Он почти не занимался моим воспитанием, но никогда не оскорблял меня; он уважал мою свободу – он даже был, если можно так выразиться, вежлив со мною... Только он не допускал меня до себя. Я любил его, я любовался им, он казался мне образцом мужчины – и, боже мой, как бы я страстно к нему привязался, если б я постоянно не чувствовал его отклоняющей руки!» [Тургенев, 1981, т. 6, с. 323–324]. Психологически образ отца (а не отношение к нему) в этом отрывке достаточно близок к образу Ивана Матвеевича Колтковского, вплоть до «оттенка рыцарской вежливости» (98) к дочери и «отклоняющей руки». Позволив поцеловать свою руку и пообещав покровительство (сцена происходит через неделю после похорон матери Сусанны) он «тотчас же слегка пихнул» девушку и «прибавил: «Allez, mon enfant» (96). Даже перед смертью он, как бы желая утешить дочь, треплет ее по плечу, но тут же «по обыкновению ласково» отодвигает ее и, произнеся ни к чему не обязывающую фразу, велит ей уйти (100).

«опасности еще нет», не поторопился. «С Иваном Матвеевичем случилось то же самое, что с моей матушкой. Смерть *так же внезапно* унесла его и так же *ночью*». «Я стала вдруг одним из главных лиц в доме, чуть не самым главным лицом» (101), – пишет Сусанна. Но никакого завешания не нашлось и «все вдруг отхлынули» (103).

Выходом из ставшего вскоре невыносимым положением, в котором в ночных думах «и темноте внутренней созревало страшное решение» (104), ей представляется любовь к Мишелю. «Я привязалась к нему со всею страстию, со всем отчаянием молодого существа, которому не только некого любить, но *которое чувствует себя непрощеным и ненужным гостем среди чуждых ему, среди враждебных людей!*» (107). Однако то, что кажется ей спасением, связано с инцестом, – Мишель ее двоюродный брат. «Презренный» Семен Матвеевич прав, когда говорит, что «ни с чем несообразные надежды надо, конечно, из головы выкинуть, потому, какой в них толк? Я уж не говорю о безнравственности самого поступка... Вы это все должны понять сами, когда опомнитесь» (113). Планы Мишеля и Сусанны разоблачены – «удар, нанесенный мне моим вотчимом» (116). И тут же следует еще один грязный поступок по отношению к девушке – предложение приглядывающегося к ней с самого приезда дяди стать его любовницей. В этот момент Сусанна проклиная свое появление на свет: «И во мне течет ваша кровь, кровь Колтовских, и я проклиная тот день и час, когда она потекла по моим жилам!» (114). (В рассматриваемом контексте этот акт аналогичен бунту Смердякова: «Григорий Васильевич попрекает, что я против рождества бунтую: “ты дескать ей ложесна разверз”. Оно пусть ложесна, но я бы дозволил убить себя еще во чреве с тем, чтобы лишь на свет не происходит *вовсе-с*» [Достоевский, 1991, с. 252].) Сусанна готова покончить с собой, но отбрасывает петлю, сделанную ею из шелкового шнура, потому как надеется, что дело ее врагами еще не выиграно: «Он меня спасет, он вырвет меня из *этого ада*, он... мой Мишель!» (116). Залогом надежды становятся письма, в которых проклятый отцом возлюбленный называет ее женой и рисует картины их совместного будущего. Но вместо обещанного «близкого свидания» настало «одно утро» – со «злорадным торжеством» на лице к Сусанне вошел Ратч с известием о смерти гвардии ротмистра Михаила Колтовского.

Последний «уже неожиданный луч тепла и света» в жизни потерявшей интерес к своей судьбе Сусанны – встреча с Фустовым. Однако этот «скромный Дон-Жуан», человек-пародия совершенно не способен на какое-либо живое чувство. Поверив клевете Виктора (по матери родного брата!), он в прямом смысле бежит от ситуации, уезжает. «Он поверил... <...> Он не поколебался, он нанес этот *последний... последний удар!*» (88) – шепчет Сусанна. Далее нарастают мотивы развязки ее «горькой и тяжелой судьбы!» (87). «Я чувствую бездну, темную бездну под ногами... <...> смерть всюду, всюду неизбежная смерть! Теперь моя очередь... Не идите за мной, <...> Не идите! Не идите!» (90). Этот пронзительный крик обращен не только к Петру Григорьевичу.

И в гробу судьба не сжалилась над Сусанной (125). Поминки покойной начались скоморошным представлением, а закончились пьяным скандалом и дракой. Судьба отказала Сусанне «даже в милостыне забвения» – оскорбительные сплетни остались памятью о ней.

Через два года после окончания «Несчастной» Тургенев набрасывает заметки романа «Новь». В частности, он пишет: «Фабула мне еще далеко не видна... *но вот что steht fest*<sup>1</sup>: № 1 должен кончить самоубийством» [Тургенев, 1982, с. 400]. Автор приходит к постановке задачи: «Надо, чтобы читатель понял, что *Нежд<анову> не удержаться на земле*» [Там же, с. 411–412; ср.: с. 419]. Это были выводы из испытанных им возможностей сюжета-жизнеописания Сусанны.

---

<sup>1</sup> Несомненно (нем.)

Заметим кстати, что «моим *номером первым*» называет падчерицу Ратч. Мистический сюжет позволял изобразить рожденного заблудшим, абсолютного изгоя, проклятого от рождения, «нечистого». Но понадобилось это уже для того, чтобы вместе с ним судить революционную идеологию как проявление коллективной психопатологии.

Опуская множество ссылок, параллелей, мотивов и смыслов текста, мы не можем упустить один. Образ Сусанны отнюдь не однолинеен и однозначен. В.М. Шукшин в «Суразе» рисует рожденного от блуда, блудного в бытовом поведении, но «неожиданно доброго» Спирьку Расторгуева. Возможно, у Тургенева мелькала мысль сделать героиню блудницей – первоначально он дал ей имя Магдалина (444–445). Но скорее всего в концепцию образа данный мотив не входил изначально, потому появилось другое, тоже библейское имя, связанное с определенной сюжетной схемой, частично реализованной автором. Однако возникает вопрос: в чем добра, а в чем зла Сусанна (ведь она явно не однозначный герой-злодей)? Полагаю, что Тургеневу удалось склонить подавляющее большинство читателей к точке зрения повествователя – она «прекрасная, честная девушка» (121). Так прочитал, например, образ Сусанны В.Я. Брюсов: «Судьба во всех отношениях была немилостива к ней, но она из всех испытаний вынесла свою душу светлой и чистой» [Брюсов, 1987, с. 185]. То есть перед нами вариант сюжета-архетипа наиболее близкий в «Суразу»: по законам зла складывается судьба не злого, а хорошего человека. Все персонажи, окружающие героиню (кроме матери и Мишеля), гораздо хуже, бесчестнее ее. При этом абсолютно *несчастлива* именно она. («Она не героиня – она несчастная. В этом мораль и смысл повести» [Там же].) Причина несчастья не только в ее происхождении, окружении и обстоятельствах. Она во многом в ее характере – в гордыне, закрывающей ей возможность жить без ненависти (к Ратчу и Виктору), без попытки простить Ивана Матвевича. «Не прощу ему за мать и за себя! Он не нуждается в этом прощении, ни в том названии [отца]... Не может быть, не может быть, чтоб он не нуждался в нем! Но не будет ему прощения, не будет, не будет!»

Бог знает, сдержала ли бы я свою клятву и не смягчилось ли бы мое сердце, не превозмогла ли бы я своей робости, своего стыда, своей *гордости...*» (101). «Несчастливая моя молодость! – восклицает Сусанна. – Вечно от одного берега к другому, и ни к которому *не хочется* пристать!» (94–95). *Не хочется* – это внутренний выбор. «Себялюбие, – говорит герой первого тургеневского романа Рудин – самоубийство. Себялюбивый человек засыхает словно одинокое, бесплодное дерево; но самолюбие, как деятельное стремление к совершенству, есть источник всего великого... Да! Человеку надо надломить упорный эгоизм своей личности, чтобы дать ей право себя высказывать!» [Тургенев, 1980, с. 227]. Иронизируя над «добротой и якобы кротостью душевной» падчерицы, Ратч продолжает: «Мы с Сусанной Ивановной воображаем себя столь высоко вознесенными, что у-у! Шапка назад валится <...> и уже никакая критика до нас достигать не может. <...> самолюбие! Оно нас доехало, да, да!» (80). Под самолюбием здесь предстает явно не «стремление к совершенству» (к какому совершенству в истории с Сусанной?), а по большей части себялюбие / гордыня. «Кто скажет, что ее убило: оскорбленное ли самолюбие, тоска ли безвыходного положения...» (137), – размышляет повествователь. Тургеневу невозможно не доверять, когда он показывает, что «среда», обстоятельства («безвыходное положение») в России сильны как нигде. Как психоаналитик он ищет баланс между силами, которые не позволили героине удержаться на земле. И в его размышлениях обвинение в самоубийстве частью ложится не на обстоятельства рождения и жизни Сусанны, а на ее выбор.

## Литература

- Брюсов о Тургеневе // Тургенев и его современники. Л., 1987.
- Васильев В.К. Роман И.С. Тургенева «Новь» в свете архетипического сюжета об Антихристе // Древнерусское духовное наследие в Сибири: научное изучение памятников традиционной русской книжности на востоке России: В 2 т. Новосибирск, 2008. Т. 2. С. 345–370.
- Васильев В.К. Сюжетная типология русской литературы XI–XX веков. Архетипы русской культуры. *От Средневековья к Новому времени*. Красноярск, 2009.
- Васильев В.К. Чичиков и Гоголь. Статья первая. К семантике образа и жизнеописания Чичикова // Сибирский филологический журнал. 2010. № 1. С. 26–33.
- Волкова Т. В.Н. Житова и ее мемуары // Житова В.Н. Воспоминания о семье И.С. Тургенева. Красноярск, 1986.
- Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1991. Т. IV.
- Достоевский Ф.М. Собр. соч.: В 15 т. М., 1991. Т. 9.
- Зинченко В.Г. Чешский мотив в повести Тургенева «Несчастливая» // Советское славяноведение. 1988. № 1. С. 33–41.
- Кантор В.К. Русская классика, или Бытие России. М., 2005.
- Кантор В. Немецкое русофильство, или предчувствие нацизма (Еврейская тема в повести И.С. Тургенева «Несчастливая») // Зарубежные записки 2007. № 11. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/zz/2007/11/ka14.html>.
- Кони А.Ф. Воспоминания о писателях. М., 1989.
- Силантьев В.И. Сюжетологические исследования. М., 2009.
- Сказание о Борисе и Глебе // Памятники литературы Древней Руси. XI – начало XII века. М., 1978. С. 278–303.
- Трофимова Т.Б. О повести И.С. Тургенева «Несчастливая» // Русская литература. 2001. № 1. С. 195–205.
- Тургенев И.С. Несчастливая // Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. М., 1978–1988. Соч.: В 12 т. Т. 8. М., 1981. С. 61–137.
- Тургенев И.С. Новь // Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. М., 1978–1988. Соч.: В 12 т. Т. 9. М., 1982. С. 133–389.
- Тургенев И.С. Первая любовь // Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. М., 1978–1988. Соч.: В 12 т. Т. 6. М., 1981. С. 301–364.
- Тургенев И.С. Рудин // Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. М., 1978–1988. Соч.: В 12 т. Т. 5. М., 1980. С. 197–322.
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. М., 1987. Т. 3.
- Фет А.А. Из «Моих воспоминаний» // И.С. Тургенев в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1983. Т. 1. С. 152–207.
- Шукшин В.М. Собр. соч.: В 8 т. Барнаул, 2009. Т. 5. С. 115–131.